

УДК 801.56

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КАТЕГОРИЙ ПЕРСУАЗИВНОСТИ И АВТОРИЗАЦИИ В ДИАЛЕКТНОМ ВЫСКАЗЫВАНИИ

З. Р. Латфулина

THE CONNECTION BETWEEN PERCEPTION AND AUTHORIZATION CATEGORIES IN THE DIALECTAL SENTENCE

Z. R. Latfulina

В статье исследуются квалификативные модусные категории персуазивности и авторизации. Устанавливается взаимосвязь указанных категорий в диалектном высказывании.

The article analyzes the qualifying modus categories of perception and authorization. The connection between these categories in the dialectal sentence is established.

Ключевые слова: квалификативная модусная категория, персуазивность, авторизация.

Keywords: qualifying modus category, persuasion, authorization.

В последнее время в центре внимания лингвистов оказывается говорящий субъект, его отношение к действительности, к используемым языковым средствам, его речевые установки, языковая картина мира. В связи с этим пристальное внимание ученых направлено к проблеме субъективной модальности, отражающей различные аспекты отношения говорящего к содержанию высказывания.

Известно, что говорящий постоянно оценивает окружающий мир; всё, что касается непосредственно субъекта, может быть оценено. В этом круге оцениваемых сущностей не последнее место занимает получаемая или сообщаемая информация, причем оценивание её идет с самых разных позиций. Нас интересуют в этом плане два типа оценки:

1. Оценка говорящим объективного содержания высказывания со стороны его достоверности/недостоверности, выражение уверенного или неуверенного знания; для обозначения этой оценки в языкознании употребляется термин «персуазивность» [14].

2. Оценка говорящим источника излагаемой информации. Г. А. Золотова, Т. В. Шмелева для передачи этого значения употребляют термин «авторизация» [7; 14].

В статье мы проследим, как взаимодействуют модусные категории – авторизация и персуазивность – в диалектном высказывании. Под термином «высказывание» мы понимаем единицы, имеющие структурные схемы, парадигму, семантическую структуру. В содержательном плане высказывание отличается от предложения тем, что, кроме структурной схемы, оно характеризуется модально-коммуникативной направленностью [5, с. 90].

В качестве источников использовались иллюстративный материал диалектных словарей: ВС – Вершининский словарь / гл. ред. О. И. Блинова. – Томск, 1999. Т. 1; 1999. Т. 2; 2000. Т. 3; 2001. Т. 4, Т. 5; 2002. Т. 6, Т. 7; СРСГ – Словарь русских старожиловеских говоров средней части бассейна р. Оби / под ред. В. В. Палагиной. Ч. 1; ч. 2. – Томск, 1975; СС – Среднеобский словарь (дополнение) / под ред. В. В. Палагиной. – Томск, 1983–1986. Ч. 1 – 2; ПССГ – Полный словарь сибирского говора / гл. ред. О. И. Блинова. – Томск, 1992. Т. 1; 1993. Т. 2, Т. 3; 1995. Т. 4; ОСК –

Областной словарь Кузбасса / под ред. Э. В. Васильевой. – Кемерово, 2001. Вып. 1; СГК – Словарь русских говоров Кузбасса / под ред. Н. В. Жураковской, О. А. Любимовой (отв. ред.). – Новосибирск, 1976; СРГС – Словарь русских говоров Сибири. Т. 1 – 4 / под ред. А. И. Федорова. – Новосибирск, 2001; СРГН – Словарь русских говоров Новосибирской области / под ред. А. И. Федорова. – Новосибирск, 1979; МДС – Мотивационный диалектный словарь: говоры Среднего Приобья / под ред. О. И. Блиновой. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1982. Т. 1; 1983. Т. 2.

Персуазивность и авторизация относятся к модусным категориям высказывания и исследуются в работах таких ученых, как В. А. Белошапкова, Т. В. Шмелева, А. Г. Етко, Г. Г. Лилова, Г. А. Золотова, М. Ф. Шацкая, С. П. Ламбарджян, И. А. Нагорный, О. Н. Копытов и др. Персуазивность и авторизацию рассматривают среди квалификативных модусных категорий (наряду с оценочностью), задача которых – квалифицировать предлагаемую информацию с авторских позиций [14].

Категорию персуазивности формирует «оценка говорящим объективного содержания высказывания со стороны его достоверности / недостоверности, выражение уверенного или неуверенного знания» [3, с. 772]. Имеется в виду субъективное отношение говорящего к высказыванию, а не достоверность/недостоверность как объективное свойство информации, подлежащей проверке [14]. В. А. Белошапкова относит персуазивность к обязательным субъективным значениям, входящим в содержание каждого высказывания, отмечая при этом, что, обязательная в плане содержания, эта категория довольно редко проявляется в плане выражения, и, объясняя это тем, что специальных показателей требует только неуверенность автора в достоверности предлагаемой им информации, уверенность же как нормальное положение дел никакими сигналами не сопровождается [3].

Показатели персуазивности в литературном языке хорошо известны. Это в основном модальные и вводные частицы, наречия и адвербиальные обороты типа *верно, вероятно, вряд ли, должно быть, как будто, кажется, может быть, наверно, по-видимому, якобы* и т. д. Сюда же относятся разнообразные средства

выражения иронического отрицания, в том числе синтаксические, ср.: *Так он и пришел; Придет он, держи карман шире; Бросил он курить, как же* [1, с. 137].

В плане выражения категория персуазивности в говорах проявляется достаточно разнообразно. Эксплицитными показателями недоверности в диалекте выступают:

а) модальные слова (*авось-небось, быино, бышет, верно, видам/по видам, видать, видимо, видко, видно/как видно, возможно, вроде/вроде бы, глядишь, должно быть, кажется, кажись, мабуть/мобуть, мож/можа/може/может/может, мож быть/можа быть/може быть, может быть/может быть, может стать, можечки, наверно, нечай, никак, однако, однакось, однакоче, по-видимому, поди/поди как, подикось, пожалуй, по-моему, ровно, чать*), выражающие предположительность высказывания, вероятность его, неуверенность в точности излагаемой информации: *Мне **кажется** хорошее кино* [«Рабыня Изаура»]. *Вот только одно здесь: само-то кино идёт мало, а одно и то же повторяется перед серией* (В I, с. 231); *Она **итравила**сь [рыба]. **Может**, **кака** вредительства* (В I, с. 237); *А тут один раз у меня были куры. Ну, это уж давно, **поди**, десять лет прошло* (В V, с. 168); *Он **прилетел-то**, Господи, **ешо** пьяне **быино** стал. – Дурной! Как **налетат**. Ребенка **возит*** (В I, с. 146); *Она, **видно**, из зыбки упала, **горб** вышел* (В I, с. 265); *А потом, **видать**, остыл, и у его пошел минингит, **сделался**, **головы*** (В I, с. 192); *А семечки я как-то пыталась, семечки эти вот, **которы** покупали. Эти, **видимо**, нам не идут. Они нисколько не **вызревают*** (ОСК I, с. 55); *Двадцать копеек, **видко**, чебаки* (СРСГ I, с. 151); *К нам, **чать**, Катерина **приезжала**, **царица** така была; Он поехал в Томск, а за ним, **чать**, **свелили**; Ну **разбил** парнишка два-три стекла, беда, убыток! **Чать**, не нарочно* (СС II, с. 190); *И мы, **никак**, второй-то не **взяли**; Еды, **говорят**, **никак** **больше*** (ПССГ II, с. 215).

б) модальные частицы (*будто/быто, вроде/вроде бы, как вроде/как вроде бы/вроде бы как, как-то вроде, будто как вроде, вряд ли, где (де), едва ли, или где (ли), или как (ли), или чё (ли), как бы (не), как вот (от), ли/ли где, ли как ли, ли нет (ли), ли чё (ли), ли-бо/либо как, либо чё, небытцым, небось*) часто в сочетании с местоименными наречиями и другими частицами: *У нас в деревне **принято** так, что брали из семьи в семью. **Вроде** родство-то **большо**, а сё **равно** брали* (В I, с. 239); *Ну её [**ягоды** черники] **много** было. Ну **счас-то** **едва ли** **наберёшь**. **Счас** **мало** стало; **Молодежь** **едва ли** **поют** [**частушки**]; **Всё** **так**, **ерунда**, **всё** **мелочь**, что ни **вспомнишь**, и то **едва ли** **вспомню*** (В II, с. 176); ***Небытцым** ты не **знаешь** куда я **ходила**?; **Небытцым** **дожд** **мелкий**, **сойж** **такой** **был*** (СРГН, с. 328).

в) слова и сочетания, ситуативно выполняющие функцию показателей неуверенности: *не знаю, токо слыхала так, правда ли неправда, правда ли нет, по чём **знать**, кто его **знает** и др.: Он и не **краснопрутник**, а я вот как **объясню**, **правда ли неправда**; **Не **знаю**, **правда** – **нет****, он **говорит**, что мы **триста** **брали**, **дак** мы их [**рубли**, **деньги**] **положили*** (В V, с. 344);

*Стрелка (стрекоза) – у ней, как у самолёта, крылья, **четыре** **крыла**, то ли она на **стрелку** **похожа**, **не **знаю***** (МДС II, с. 220).

Для экспликации значения недоверности активно используются языковые средства, обслуживающие другие модусные категории, прежде всего авторизацию. Значение неуверенности в достоверности информации может быть внесено в высказывание при помощи показателей авторизации (как с семантикой «своя информация», так и «чужая» – *по-моему, мне **кажется**, я **думаю**, **говорят**, **мол** и т. д.*).

Авторизация – традиционный термин современного языкознания: им, начиная с публикаций Г. А. Золотовой, оперируют в течение нескольких десятилетий. Суть авторизации, по мнению Г. А. Золотовой, состоит в том, что «разнообразными, но вполне поддающимися описанию способами, в предложение вводится второй структурно-семантический план, указывающий на субъект, «автора» восприятия, констатации или оценки явлений действительности, а иногда и характер восприятия» [7, с. 263 – 264].

Идея авторизации восходит к работе Ш. Балли «Общая лингвистика и вопросы французского языка», в которой изложены представления на номинативную природу предложения как на двухчастную, где одна из частей (диктум) «коррелятивна процессу, образующему представление», то есть выражает сообщение о действительности, а вторая (модус) содержит «выражение модальности, коррелятивной операции, производимой мыслящим субъектом» [2, с. 44].

Наряду с прочими субъективными смыслами, такими, как оценочность и персуазивность, авторизацию называют «падежом парадигмы» модуса высказывания [8] и определяют как квалификативную категорию, предполагающую два обязательных параметра информации:

а) своя/чужая по отношению к автору,

б) источник информации, что существенно в плане уверенности/неуверенности автора в ее достоверности [14].

Это значит, что источником информации является или сам говорящий («свое») (*Недослышал он... **я **думаю**, **может****, по породе: у нас **мама** **глуха*** (В II, с. 30)), или кто-то другой, не говорящий («чужое») (*Ботать **рыбу** не **говорили**. **Мож**, где и **говорят**. **Везде** **всё** по-разному* (СС II, с. 28)). Как отмечает Т. В. Шмелева, «в языке за стандарт принято изложение информации “от себя”, поэтому специальные показатели предусмотрены только для нестандартных случаев – изложения чужой информации, цитирования» [14, с. 36]. Эти показатели могут быть минимальны – *мол, де, дескать, говорят*, а могут быть более информативными – *как **говорят** в народе, по **сообщению** **авторитетного** **источника** и т. д.* Средствами авторизации могут быть предложно-падежные формы имени (*для него, по его мнению*), двусоставные глагольно-именные модели (*я **вижу**, мы **наблюдаем**, он **считает***), «обезличенные» варианты с синтаксически и стилистически значимым устранением названия лица (*представляется, **считается** и т. п.*) [7, с. 263 – 264].

Категория авторизации, имея некоторые точки пересечения с другими модальными категориями, имеет с этими категориями то общее, что все они «указывают на эпистемическое пространство говорящего и тем самым относятся к эгоцентрическим элементам языка» [10, с. 73].

Персуазивность пересекается с авторизацией, так как имеет с ней общие средства выражения. Это обусловлено тем, что авторизация представляет собой модусную категорию, с помощью которой «излагаемая информация квалифицируется в отношении источников или способов ее получения» [15, с. 90]. Разные способы получения информации по-разному воспринимаются по отношению к их надежности; «чужое» всегда менее достоверно, чем «свое», поэтому «авторизационные показатели часто являются показателями отрицательной персуазивности» [15, с. 92]. Сотрудничество авторизации и персуазивности отмечает Т. В. Шмелева: «за достоверность чужой информации трудно ручаться, поэтому «чужая» всегда под некоторым сомнением, отсюда естественность таких комплексных показателей, которые служат одновременно обоим категориям, например, «якобы = чужая информация + не уверен в достоверности»» [14, с. 37]. Значение авторизации сближается со значением недостоверности общей семей «наличие информации, подвергаемой обработке».

Рассмотрим взаимодействие категорий персуазивности и авторизации на некоторых примерах.

Характеристика образа автора по участию/неучастию в описываемых событиях влечет за собой проявление категории персуазивности: *Я уже беру из рассказов мамы; Мама сказала как будто бы* (В II, с. 277); *Выступил Вершинин Федор Васильевич, который сказал, что, мол, работать она сможет* (ПССГ II, с. 149).

Показатели авторизации используются в тех случаях, когда есть указание на источник информации, что в ряде случаев связано со стремлением говорящего снять с себя ответственность за неверно высказанное суждение: *На тех ничё не говорили, а на меня всё-всё говорили, будто бы они мне вот это место стригли, цыгане; Родня-то говорила, что будто бы они с дет-малютки взяли* [ребёнка] (В I, с. 132). В подобных высказываниях есть показатели чужой речи (*родня, гыт, говорит* и др.). Модальные союзы *будто / бы* (бы), как *будто бы* употребляются в значении пересказывательности, вводят чужую речь и подчеркивают ее недостоверный характер. Отметим, что значение недостоверности у таких союзов является неосновным, добавочным. Оно наслаивается на основную реляционную функцию.

Для выражения значения авторизации и персуазивности употребляются также омонимичные союзам частицы: *Будто она, гыт, пьяна была* (В I, с. 132); *Мама сказала как будто бы* (В II, с. 277). Для частиц основным остается значение кажимости, сомнения, мнимости то есть персуазивная семантика, в то же время они обязательно маркируют речь как чужую, не принадлежащую говорящему, то есть сближаются с авторизационными показателями. В высказываниях

такого типа ясно ощущается сомнение автора в правдивости информации: автор отстраняется и не берет на себя ответственность за ее достоверность. Говорящий передает информацию, в истинности которой он не вполне уверен, а поскольку коммуникативной нормой является изложение информации, которая не вызывает у говорящего сомнений, то в этом случае диалектоноситель должен ввести показатель достоверности с тем, чтобы не нарушить правила речевого этикета.

Такие переходные случаи не единичны. Языковые факты доказывают взаимодействие персуазивности и авторизации, когда маркер авторизации приобретает персуазивное значение, например: *предположительности: Вот, по-моему, это недавно* [кто-то сказал], *что надо вам к старушке, вот и всё* (В III, с. 316); *По-моему, из березника не строят* [дома]. *Нет. Со-сновые, ну а берёзы, по-моему, нет* (ОСК I, с. 174); допущения: *Ну, дескать, нельзя кислым кормить, тел-лята пропадают* (ПССГ I, с. 189); мнимости: *Она мне наветки* [намеки] *дает, что, мол, он меня с ребенком взял, дак и жить топерь несчастлива* (ПССГ I, с. 149).

Один из самых оптимальных способов «снять с себя ответственность» за достоверность информации – сослаться на источник сообщения. Причем источником сообщения может быть как конкретное лицо, так и неопределенный, коллективный обобщенный субъект: *Родня-то говорила, что будто бы они с дет-малютки взяли* [ребёнка] (В I, с. 132); *Бабые лето* [цветок], *это, подожди, помню бабые лето. Это, по-моему, это его называли* бельземином (ОСК I, с. 71); *Про Ельцина ничё не слышали? Наверно, болтанули* (В I, с. 103); *А у нас одна девушка счас позвоночник изломала. Ну. Говорят, ходить вряд ли будет* (В I, с. 240). В ряде высказываний источник мысли представлен как лицо неопределенное: оно либо неизвестно говорящему, либо сознательно не называется из этических соображений, соображений осторожности и т. д. Особенно часто в этой функции используются безличные и неопределенно-личные конструкции: *гов-ворят, болтают, рассказывали* и др.

Комплексное выражение авторизации и персуазивности встречается обычно в высказываниях характеристики или сопровождает событийные пропозиции, отражающие информацию, не подлежащую огласке: *Родня-то говорила, что будто бы они с дет-малютки взяли* [ребёнка]; *На тех ничё не говорили, а на меня всё-всё говорили, будто бы они мне вот это место стригли, цыгане* (В I, с. 132); *Будто она, гыт, пьяна была* (В I, с. 132); *А, будто, так бабка гово-рит, что она на меня походит* (СРГК, с. 38) (бытийные высказывания); *Сурепка – это вот она в кар-тошке растёт. По-моему, жёлты у неё цветочки* (В VI, с. 428) (высказывание характеристики).

Выделяются высказывания, в которых авторство выражаемой мысли приписывается самому говорящему: *Я во сне вижу: гряды вот така, така вот, метру, наверно бы, шириной* (В I, с. 141) (авторизующая модель с глаголом зрительного восприятия подчеркивает «авторство» высказывания); *Я ей всё*

говорила: «Валя, при худым [муже] худо и без худого худо. Как-то жить надо. Может, он в ум войдёт» (В I, с. 214); *Одни мёд купили, говорят, что с сахаром. Я думаю: может, теперь сел, скрутился* (В VI, с. 266); *Эту Вальку-то увезли в город. Слышала, она, наверно, помрёт: приступ с ей сделался* (В VI, с. 203).

Значение авторизации таких высказываний часто контаминируется с персуазивным:

– *Зимой раньше, по-моему, не ловили, давно уже стали ловить; Вот, по-моему, это недавно [кто-то сказал], что надо вам к старушке, вот и всё* (В III, с. 316). Вводное *по-моему* – это не только и не столько указание на источник сообщения, но и сигнал того, что говорящий не настаивает на своей позиции, не навязывает свою точку зрения.

– *А мне кажется, ничё не страшный котёнок. Так только досадливый* (В II, с. 153); *Как-то мне кажется, там есть глубока яма. Ну, может, сяс замыло, там всегда глубоко было* (В II, с. 28); *Мне вот кажется, кода женищина заматерится, как курица запоёт по-петушьи, равносильно тому* (В VI, с. 19); *Мне кажется хорошее кино [«Рабыня Изаура»]. Вот только одно здесь: само-то кино идёт мало, а одно и тоже повторяется перед серией* (В I, с. 231). Поскольку «авторство мысли говорящий приписывает себе, он осознает достаточную степень ее субъективности, допускает ее ошибочность, прибегает к развер-

нутому обоснованию в контексте, что и сближает высказывание с персуазивным» [11, с. 97]. Конструкции *мне кажется, по-моему* могут не только свидетельствовать о неуверенности в собственных оценках, но и оказываться «фигурою скромности», отказом от безапелляционности в суждениях. В то же время, по замечанию Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелева, «если произнести эти обороты с акцентным выделением, они могут использоваться для активного и, возможно, самоуверенного противопоставления своего мнения мнению других» [4, с. 302].

Итак, одними из наиболее частотных модусных смыслов диалектного высказывания являются авторизация и персуазивность, определяемые как квалификаторы сообщаемой информации в определенных аспектах с авторских позиций. Мы попытались описать взаимосвязь категорий персуазивности и авторизации в диалектном высказывании. Указывая на эпистемическое пространство говорящего, авторизация и персуазивность являются тесно взаимодействующими модусными смыслами: автор восприятия, речи-мысли является в то же самое время и субъектом, выражающим точку зрения на достоверность сообщаемой информации. Оценка достоверности информации в значительной степени определяется тем, каков ее источник и насколько сам говорящий доверяет данным, почерпнутым из этого источника.

Литература

1. Апресян, Ю. Д. Избранные. – Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография труды / Ю. Д. Апресян. – М.: Языки русской культуры, 1995. – 767 с.
2. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – 2-е изд., стереотип. – М., 2001. – 416 с.
3. Белошапкова, В. А. Синтаксис / В. А. Белошапкова // Современный русский язык. – М., 2003.
4. Булыгина, Т. В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. – М.: Языки русской культуры, 1997.
5. Гак, В. Г. Высказывание и ситуация / В. Г. Гак // Проблемы структурной лингвистики. – М., 1973.
6. Етко, А. Н. Категория авторизации в аспекте функционального подхода / А. Н. Етко // Вестник Ставропольского государственного университета. Серия Филологические науки. – 2008. – № 56. – С. 80 – 88.
7. Золотова, Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка / Г. А. Золотова. – 2-е изд., испр. – М.: КомКнига, 2005.
8. Копытов, О. Н. Взаимодействие квалификативных модусных смыслов в тексте (авторизация и персуазивность): автореф. дис. ... канд. филол. наук / О. Н. Копытов. – Владивосток, 2003. – 27 с.
9. Корди, Е. Е. О связи грамматических значений оценки достоверности и источника информации (на материале французского языка) / Е. Е. Корди // Теоретические проблемы функциональной грамматики: материалы Всероссийской научной конференции (26 – 28 сентября 2001). – СПб.: Наука, 2001.
10. Майсак, Т. А. Пространства говорящего, или Чего нельзя сказать о себе самом / Т. А. Майсак, С. Г. Татевосов // Вопросы языкознания. – 2000. – № 5.
11. Орехова, Е. Н. О субъективной модальности эвиденциальности / Е. Н. Орехова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия Русская филология. – 2012. – № 2.
12. Шамина, Л. А. Средства выражения персуазивности и оценочности в тюркских языках Южной Сибири / Л. А. Шамина // Гуманитарные науки в Сибири. – 2007. – № 4. – С. 20 – 25.
13. Шацкая, М. Ф. Авторизация и персуазивность при формировании языковой игры / М. Ф. Шацкая // Актуальные проблемы общего и регионального языкознания: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, 28 октября 2008 года, II. – Уфа, 2008. – С. 327 – 330.
14. Шмелева, Т. В. Семантический синтаксис: текст лекций из курса «Современный русский язык» / Т. В. Шмелева. – Красноярск, 1988. – 54 с.
15. Шмелева, Т. В. Смысловая организация предложения и проблема модальности / Т. В. Шмелева // Актуальные проблемы русского синтаксиса. – М., 1984.

Информация об авторе:

Латфулина Зульфия Раифовна – аспирантка кафедры русского языка Томского государственного университета, преподаватель МБОУ «Лицей № 81», г. Новосибирск, 8-923-603-9948, lazur811@rambler.ru.

Latfulina Zulfiya Raifovna – post-graduate student at the Russian Language Department of Tomsk State University, teacher at Lyceum № 81, Novosibirsk.